

Леон Монтан

ПРАКТИКА
У ПОВЕЛИТЕЛЯ
СМЕРТИ

Леон Монтан

Практика у Повелителя Смерти

«Литнет»

2026

Монтан Л.

Практика у Повелителя Смерти / Л. Монтан — «Литнет», 2026

Соня не верит в мистику. Соня верит в кофеин, сарказм и качественную реанимацию. Но случайное падение на лестнице отправляет её прямо в высшую канцелярию междумирья. Живая душа в мире мертвых — это ЧП, так что Соню делают временной помощницей Повелителя Смерти, пока её тело лежит на ИВЛ. Жнец Мортимер безупречно вежлив, невыносимо холоден и смертельно опасен. Он привык управлять судьбами, но совершенно не умеет управлять девчонкой, которая пьет чай из термокружки над священными свитками и лупит адских гончих шваброй. Она разрушает его тысячелетний покой, заставляет лечить трудоголизм и доказывает, что клятва Гиппократы работает даже в аду. ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА МОЮ СТРАНИЦУ

© Монтан Л., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Клиническая картина	5
Глава 2. Знакомство с начальством	9
Глава 3. Эпоха термокружки	14
Глава 4. Медицинский подход к душам	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Глава 1. Клиническая картина

Смерть, вопреки расхожему мнению, пахнет не ладаном и не серой. Она пахнет дешевой хлоркой, запекшейся кровью и растворимым кофе из автомата на первом этаже, который по вкусу напоминает жженую резину.

По крайней мере, так считала Соня, студентка шестого курса и без пяти минут хирург, закрывая вторые сутки дежурства в отделении сочетанной травмы.

Тридцать девять часов без сна. Два ДТП, один «летун» с пятого этажа и десяток бытовых травм разной степени идиотизма. Соня чувствовала себя так, словно её прожевали, выплюнули, а потом для верности переехали катком. Её хирургический костюм — некогда жизне-радостно-голубой — обзавелся пятнами сомнительного происхождения, а волосы на затылке скрутились в такой тугий пучок, что, казалось, начали натягивать кожу на лбу, обеспечивая бесплатную подтяжку лица.

— Сонечка, сбегай в архив за картой Морозова, — ласково, но непререкаемо велел дежурный врач.

И вот она, накачанная кофеином и цинизмом до краев, плелась по запасной лестнице на цокольный этаж. Лампочка между пролетами истерично мигала, намекая на скорую кончину.

«Еще один шаг, и я лягу прямо на эти бетонные ступени. И пусть меня спишут с производственной травмой», — подумала Соня, закрывая воспаленные глаза буквально на секунду.

Секунды хватило.

Носок её белого ортопедического сабо зацепился за отколотый край ступеньки. Центр тяжести предательски сместился вперед. Соня инстинктивно выставила руки, мозг хладнокровно, как по учебнику, спрогнозировал последствия: перелом лучевой кости в типичном месте, закрытая черепно-мозговая, сотрясение...

Но удара не последовало.

Вместо жесткого бетона она рухнула в ледяную, вязкую пустоту. Воздух со свистом выбило из легких, желудок подскочил к горлу. Темнота лестничной клетки растворилась, сменившись тошнотворным мельканием серых пятен. Падение длилось то ли секунду, то ли вечность, пока Соня с глухим стуком не приземлилась на что-то твердое, похожее на спрессованный пепел.

Она резко села, рефлекторно ошупывая конечности. Кости целы, голова на месте, крови вроде бы нет.

— Шкала Глазго — пятнадцать баллов, сознание ясное, — пробормотала Соня себе под нос, пытаясь унять колотящееся сердце. — Так, ладно. Это походило обморок. Переутомление, гипоксия мозга. Я упала на лестнице и лежу в отключке. Логично? Логично.

Она подняла взгляд и моргнула. Картинка не изменилась.

Соня сидела на полу циклопических размеров зала. Стены из гладкого серого камня уходили в бесконечность, потолка не было видно из-за клубящегося тумана, а освещение обеспечивал ровный, мертвенно-бледный свет, не отбрасывающий теней.

Но главное — люди. Точнее, фигуры.

Весь этот невообразимый по своим размерам ангар был заполнен серой, безмолвной толпой. Они стояли в гигантской, извивающейся змеей очереди. И выглядели они... прозрачными.

Прямо перед Соней переминался с ноги на ногу полупрозрачный мужчина в деловом костюме, сквозь живот которого отчетливо просматривалась спина стоящей впереди женщины в старомодном платье. Рядом с ним стоял парень в спортивном костюме с неестественно вывернутой шеей. Чуть поодаль — дедуля, из груди которого торчала рукоятка призрачного ножа.

Все они были серыми, тусклыми и смотрели вперед с одинаковым выражением тупой покорности.

Соня медленно поднялась на ноги, отряхнула штаны.

— Потрясающе, — громко и с расстановкой сказала она. Звук её голоса разорвал ватную тишину зала, как выстрел. Фигуры в радиусе десяти метров вздрогнули и медленно повернули к ней полупрозрачные головы. — Мой мозг впал в кому и не придумал ничего лучше, чем галлюцинировать очередь в поликлинику! Seriously? Мое подсознание — садист.

Она шагнула к мужчине в костюме и ткнула в него пальцем. Палец не прошел насквозь, но ощутил ледяной холод, словно коснулся сухого льда. Мужчина отшатнулся с тихим, шелестящим звуком:

— Ч-что вы делаете?.. Вы... теплая!

— Я — злая, уставшая и хочу проснуться, — отрезала Соня, чувствуя, как внутри закипает привычное профессиональное раздражение. — А еще я не понимаю, почему здесь такой бардак!

Она окинула взглядом бесконечную толпу. Очередь не двигалась вообще.

— Эй! — крикнула она, обращаясь в пустоту. — Кто тут главный по отделению? Почему очередь не движется? Где терминал с талончиками? Вы в каком веке застряли, в средневековье?!

Призраки в ужасе начали расступаться. Соня, звеня ключами от ординаторской в кармане, поперла прямо сквозь толпу. Шаг у нее был тяжелый, медицинский — так ходят старшие медсестры, когда идут разносить санитарок за грязный пол.

— Девушка, ну куда вы лезете, здесь занимали! — пискнула прозрачная старушка с авоськой.

— Я по острой боли! — рывкнула Соня, даже не сбавляя шага. — Мужчина! — она указала на парня с проломленным черепом. — Вы почему с такой тяжелой травмой стоите в общей очереди? Вы вообще знаете, что такое триаж? Вас в красную зону надо, на каталку, а вы тут прохлаждаетесь! А вы, дамочка, не дышите на меня, у вас изо рта тянет цианидом!

Толпа призраков в панике шарахалась от живой, пышущей яростью студентки. В этом сером царстве покорности и абсолютной тишины Соня была как яркая, орущая сирена скорой помощи.

— И что с вентиляцией?! — не унималась она, размахивая руками. — Пахнет как в заброшенном склепе! Я задохнусь тут раньше, чем выйду из комы! Где окно?! Где книга жалоб и предложений?!

Она яростно расталкивала призрачные тела локтями, пока толпа не расступилась окончательно, открывая вид на колоссальные черные ворота и стойку, за которой сидел кто-то, очень похожий на скелет в канцелярских нарукавниках.

Соня смерила его тяжелым взглядом из-под сдвинутых бровей, подошла к стойке и с размаху хлопнула по ней ладонью.

— Значит так, регистратура. Зови главврача, у меня есть пара вопросов по поводу вашей логистики. И ради всего святого, скажи, что у вас тут есть кофе!

Стук ладони по гладкой поверхности черного обсидиана прозвучал как удар гонга.

Существо по ту сторону стойки вздрогнуло. Оно действительно отдаленно напоминало скелет, обтянутый пергаментной кожей, на переносице которого чудом держались круглые очки с толстыми стеклами. Клерк медленно поднял голову от гигантской, мерцающей призрачным светом амбарной книги, в которой он до этого что-то старательно выводил пером без чернил.

Его ввалившиеся глаза, в глубине которых тлели два бледных огонька, округлились. Огоньки тревожно мигнули.

— К-кофе? — скрипучим, как несмазанная дверная петля, голосом переспросил клерк.

— Кофе, — подтвердила Соня с нажимом. — Черный, без сахара. И чтобы ложка стояла. Если в вашей богадельне нет нормального аппарата, сойдет и растворимый. А потом вы позовете сюда заведующего этим дурдомом. Потому что то, что я вижу в зале — это грубейшее нарушение всех санитарных и административных норм.

Она скрестила руки на груди, ожидая ответа. Клерк перевел взгляд с её лица на помятый хирургический костюм, потом на бейджик, криво висящий на кармане: «*Леонова С.А., субординатор*».

— Душа Леонова... — прошелестел клерк, и его голос внезапно обрел странную, заморозившую гулкость. — Ты стоишь в преддверии вечности. Позади тебя — бранный мир живых. Впереди — суд и распределение. Здесь нет земных напитков. Отринь свою ярость, ибо ты — мертва. Займи свое место в очереди и жди, пока колесо судеб не...

— Так, стоп. Отставить пафос, — Соня потерла переносицу двумя пальцами. Головная боль начинала пульсировать где-то в районе висков. — Дедуля, я не мертва. У меня банальный вазовагальный обморок на фоне жесточайшего недосыпа и гипогликемии. Я упала на лестнице. Прямо сейчас мои коллеги, скорее всего, лупят меня по щекам или тащат в реанимацию капать глюкозу. Мой мозг, лишенный кислорода, генерирует этот бредовый сон с тобой в главной роли. Так что давай ускорим процесс: ты даешь мне справку, что я всё прошла, и я просыпаюсь. Идет?

Клерк замер. Огоньки в его глазницах сузились до крошечных искр. Он явно никогда не сталкивался с душами, которые пытались поставить диагноз загробному миру.

— Никто не может обойти систему преддверия, — строго сказал он, поправляя съехавшие очки длинным костлявым пальцем. — Если ты здесь, значит, нить твоей жизни оборвалась. Имя?

— О, хоспаде: Леонова Софья Андреевна. Двадцать четыре года.

Клерк с важным видом придвинул к себе светящуюся книгу. Его палец быстро заскользил по строчкам, состоящим из незнакомых, мерцающих рун. Чем ниже спускался палец, тем быстрее он двигался. Вскоре он начал лихорадочно перелистывать тяжелые страницы.

— Леонов Алексей... Леонова Антонина... Леонова Софья... восемьдесят два года, инфаркт... Нет, не то.

Он поднял на нее недоумевающий взгляд.

— Вас нет в выписке прибывших на эти сутки.

— Ну вот и славно. Выписывайте меня из стационара, — Соня бодро развернулась в сторону предполагаемого выхода, которого, впрочем, не было видно за бесконечной стеной тумана.

— Пойдите! — клерк вдруг подался вперед, чуть не перевалившись через стойку. Его очки сползли на самый кончик носа. Он жадно втягивал воздух там, где у обычных людей были ноздри. — От вас... от вас пахнет кровью. И пульсом. И...

Он вытянул руку с длинным искривленным ногтем и указал куда-то себе за спину. Соня обернулась.

От её спины, прямо из области сердца, тянулась тончайшая, пульсирующая серебристая нить. Она мерцала в сером воздухе, уходя сквозь стены куда-то бесконечно далеко. Нить слегка подрагивала в ритме, который Соня моментально узнала — нормальный синусовый ритм, примерно семьдесят ударов в минуту.

— Матерь божья... — клерк схватился за голову. — Нить цела! Вы не мертвы! Вы живы! Как вы сюда попали?!

— Я же русским языком объяснила: споткнулась на лестнице! — рывкнула Соня, хотя холодок всё-таки пробежал по её спине. Иллюзия была слишком детальной. Слишком логичной для простого сна.

Поверхность обсидиановой стойки вдруг пошла мелкими трещинами. Воздух вокруг за клубился. Зал задрожал, с потолка, скрытого во мраке, посыпалась серая пыль. Призраки в очереди начали тревожно перешептываться, их голоса слились в нарастающий гул.

— Системный парадокс! — в панике завизжал клерк. Он заметался за стойкой, роняя свитки. — Живая душа в транзитной зоне! Весы мироздания кренятся! Если я оформлю вас как мертвую — реальность схлопнется! Если я попытаюсь выбросить вас обратно — ваша нить порвется от натяжения, и вы умрете по-настоящему!

Соня нахмурилась. Перспектива умереть по-настоящему в её планы не входила: у нее еще не был сдан зачет по фарме.

— Ну так придумай что-нибудь! Ты же тут регистратор! — прикрикнула она, перекрывая нарастающий гул. Зал трясло уже ощутимо, как при хорошем землетрясении. — У вас есть алгоритм на случай непредвиденных ситуаций? Резервный фонд? Гостевой статус?

Клерк замер. Его пустые глазницы уставились на бейджик Сони.

— Субординатор... — пробормотал он. — Практикант. Младший медицинский персонал... Если вы не мертвы, значит, вы — персонал! Да! Это единственная лазейка в кодексе!

Он нырнул под стол и вынырнул с огромной металлической печатью, от которой исходило багровое свечение.

— Я не могу зачислить вас в очередь! Но я могу оформить вас как временного сотрудника по обмену опытом! — прокричал он сквозь грохот трясущихся стен.

— Какому еще обмену?! — возмутилась Соня.

— Дайте руку!

Не дожидаясь ответа, костлявая ладонь мертвой хваткой вцепилась в запястье Сони. Клерк с размаху припечатал багровый штамп прямо к тыльной стороне её ладони.

Кожу обожгло холодом. На мгновение перед глазами вспыхнули красные пятна. Землетрясение в зале тут же прекратилось. Воздух успокоился. Трещины на стойке затянулись сами собой. Система Междумирья, получив бюрократическое обоснование нахождения живой девчонки в царстве мертвых, стабилизировалась.

Соня посмотрела на свою руку. На коже ровным черным шрифтом, напоминающим готическую вязь, было выбито: *«ВРЕМЕННЫЙ ПЕРСОНАЛ. ПРИПИСАНА К ВЫСШЕЙ КАНЦЕЛЯРИИ»*.

— Какого черта?! Ты что на мне нарисовал, татуировщик-недоучка? Мне в операционной руки мыть по локоть, меня за это старшая сестра убьет!

— Уже не убьет, — облегченно выдохнул клерк, обтирая несуществующий пот со лба. — Вы временно переведены под юрисдикцию самого владыки.

Позади клерка с тяжелым, каменным скрежетом разъехались черные ворота, открывая вид на круглую платформу — что-то вроде гигантского открытого лифта.

— Вам на самый верх, Леонова Софья Андреевна, — клерк указал дрожащим пальцем на платформу. В его голосе смешались благоговение и сочувствие. — В Высшую Канцелярию, к Повелителю Смерти. И да помогут вам древние боги, потому что он... очень не любит, когда нарушают его тишину.

Соня потеряла запястье с печатью, боль была реальной. Холод камня под ногами — реальным. И этот сумасшедший скелет в очках — тоже. Мозг капитулировал перед фактами: она не в коме. По крайней мере, не в обычной.

— На самый верх, значит? К начальству? — Соня зло усмехнулась, поправляя воротник хирургического костюма. — Отлично. Вот там я про кулер и вентиляцию и спрошу.

Она решительным шагом направилась к лифту, бормоча себе под нос: — Повелитель Смерти, подумаешь... Я сдавала анатомию Звереву Альберту Эдуардовичу. После него мне никакой повелитель не страшен.

Глава 2. Знакомство с начальством

Платформа из черного пористого камня, заменявшая в этом безумном месте лифт, поднималась совершенно бесшумно. Вокруг клубился плотный, как вата, серый туман, сквозь который изредка проступали исполинские колонны, уходящие куда-то в невидимый зенит. Соня стояла по центру каменного диска, засунув озябшие руки в карманы, и методично отсчитывала удары собственного сердца.

Пульс был ровным — семьдесят два удара в минуту. Серебристая нить, тянущаяся из её груди прямо в пустоту, слабо пульсировала в такт.

— Вазовагальный обморок, осложненный гипоксией, — упрямо бормотала Соня, глядя, как на ткани её костюма оседает крошечными каплями стылый конденсат. — Галлюцинации индуцированы стрессом. Мозг просто пытается структурировать панику, создавая знакомые административные образы. Очередь, регистратура, начальство... Все логично. Главное — не поддаваться бреду и вести себя естественно. Если это сон, то он скоро закончится. А если я реально в коме и мой разум застрял в какой-то астральной проекции... что ж, значит, придется навести здесь порядок, пока тело не очнется.

Платформа дрогнула и плавно остановилась. Туман перед Соней неохотно расступился, открывая вид на колоссальный коридор. Архитектура здесь явно страдала гигантоманией и острой нехваткой жизнерадостных цветов. Базальтовые стены, сводчатый потолок, теряющийся во мраке, и полное отсутствие окон. Вдоль стен выстроились гигантские статуи существ в капюшонах, опирающихся на длинные косы.

— Сколиоз, кифоз и полная деградация суставов от такой позы обеспечены, — профессионально оценила статуи Соня, шагая по идеально отполированному черному полу. Тишина здесь была такой густой, что казалась осязаемой. Она давила на барабанные перепонки, заставляя уши слегка закладывать, как при взлете самолета.

В самом конце коридора возвышались массивные двери.

Они были сделаны из темного, почти черного дерева — возможно, мореного дуба, хотя Соня не удивилась бы, окажись это окаменевшее древо познания или что-то в этом роде. Створки украшала искусная, но до одури мрачная резьба: корчащиеся фигуры, языки пламени, переплетенные кости и черепа. Каждая створка была высотой с трехэтажный дом.

У дверей замерли двое стражей. Двухметровые, закованные в матовую черную броню фигуры, чьи лица были скрыты забралами в виде оскаленных черепов. Из щелей шлемов сочился тусклый фиолетовый свет. В руках они сжимали алебарды, от лезвий которых исходил осязаемый холод.

Соня подошла к ним вплотную. Стражи даже не шелохнулись.

— Извините, мальчики, — бросила она, не вынимая рук из карманов. — У меня талончик по внеочередному вызову.

Стражи медленно, со скрипом, скрестили алебарды прямо перед её носом, преграждая путь. Воздух вокруг них ощутимо упал до минусовой температуры. Обычная душа на месте Сони уже рухнула бы на колени, парализованная инстинктивным, животным ужасом, который излучала эта нежить.

Но Соня была не обычной душой. Она была студенткой шестого курса меда, отработавшей двое суток в травматологии в новогодние праздники. Её лимит на испуг был исчерпан где-то между пьяным пациентом с топором в спине и внезапной проверкой из Минздрава.

— Так, ребята, убрали железяки, — Соня раздраженно цокнула языком и бесцеремонно отодвинула ледяные древки алебард в стороны. Удивительно, но они поддались — тяжело, словно она раздвигала чугунные трубы, но поддались. Багровая печать на её запястье на мгно-

вание ярко вспыхнула сквозь ткань рукава. Стражи, издав утробный сипящий звук, синхронно отступили на шаг назад, словно обжегшись.

— То-то же. Субординацию надо соблюдать. Я к заведующему.

Она подошла к колоссальным дверям. Ручек на них не было. Вероятно, предполагалось, что посетители должны смиренно ждать, пока их не впустят, трепеща от страха в коридоре. Либо они открывались какой-нибудь зловещей магией.

Соне было холодно, она хотела спать, и у нее адски ныла поясница. Времени на магию у нее не было.

Отодвинувшись на полшага назад, она подняла ногу в белом медицинском сабо и со всей дури, вложив в удар весь свой накопленный за тридцать девять часов стресс, пнула черное дерево прямо в центр стыка створок.

Звук получился такой, словно в коридоре взорвали гранату. Тяжеленные, многотонные створки, которые не открывались без ведома хозяина со времен падения Римской империи, жалобно скрипнули, петли взвыли, и двери с грохотом распахнулись настежь, ударившись о каменные стены.

Соня, поправив выбившуюся из пучка прядь волос, чеканным шагом переступила порог Высшей Канцелярии.

Жнец Мортимер, Повелитель Смерти, Хранитель Граней и Судья Неупокоенных, в этот момент был занят. Он сидел за массивным столом, высеченным из цельного куска первозданного мрака, и пером, сотканным из звездного света, подписывал указ о расформировании душ целой исчезнувшей цивилизации в одном из дальних миров.

В кабинете, размеры которого больше напоминали готический собор, тысячелетиями царила абсолютная, звенящая тишина. Мортимер любил тишину, она была сутью его природы. Ни единый звук, ни единый вздох не смел нарушить покой этого места. Свет здесь был приглушенным, тени — длинными и покорными, а воздух — стылым, как в склепе антарктических льдов.

Когда двери его святилища с грохотом отлетели к стенам, сотрясая вековую пыль на верхних ярусах книжных полок, перо в руке жнеца дрогнуло. Капля звездного света сорвалась с кончика и прожгла в древнем пергаменте дыру.

Мортимер медленно, пугающе медленно поднял голову.

То, что он увидел, совершенно не укладывалось в матрицу вероятностей его бесконечного существования. На пороге стояла не армия вторжения демонов из нижних миров. И даже не разъяренный бог света, решивший оспорить его власть.

Там стояла маленькая, хрупкая человеческая женщина.

Она была одета в странную одежду, перепачканную какими-то бурными пятнами. На её ногах была нелепая белая обувь с дырочками. Она не излучала ни магии, ни света, ни тьмы. От неё несло усталостью, кофеином, антисептиком и... жизнью. Пульсирующей, наглой, невозможной в этом месте жизнью.

Жнец отложил перо. Его лицо — идеальное, точеное, словно вырезанное из белого мрамора, с острыми скулами и аристократическим профилем — оставалось бесстрастным. Но в глазах, там, где вместо зрачков клубилась бездна, усыпанная мертвыми звездами, вспыхнул опасный, ледяной гнев.

Ни одна душа не смела входить к нему без зова. Ни одна душа не смела стоять на ногах в его присутствии. Как правило, даже самые великие императоры, тираны и святые, переступая этот порог, падали ниц, раздавленные аурой смерти, рыдали, молили о пощаде или немели от абсолютного, хтонического ужаса.

Мортимер чуть прищурился, позволяя своей ауре развернуться.

Температура в колоссальном кабинете мгновенно упала до абсолютного нуля. По черному каменному полу змеями поползла изморозь, покрывая всё ледяной коркой. Тени по углам

кабинета оторвались от стен и взмыли вверх, извиваясь, словно сотни голодных духов. Воздух стал настолько плотным от сконцентрированной энергии смерти, что в нем, казалось, остановилось само время.

Это было давление, способное стирать в порошок горы и сводить с ума бессмертных.

Соня остановилась посреди кабинета. Она слегка поежилась, а затем вытащила руки из карманов, обхватила себя за плечи и интенсивно растерла предплечья.

— У вас тут что, теплотрассу прорвало? Или на отоплении экономите? — её голос прозвучал раздражающе звонко и повседневно, разбивая монументальную готику момента вдребезги. — Это же прямое нарушение условий труда. Температурный режим в кабинете административного персонала должен быть не ниже двадцати градусов. У вас тут даже не морг, у вас тут криокамера какая-то!

Жнец замер. Тени, готовившиеся обрушиться на дерзкую нарушительницу и разорвать её разум в клочья, зависли в воздухе, словно сбитые с толку. Владыка Смерти слегка наклонил голову набок, пытаясь понять, что именно сейчас происходит. Иллюзия? Шутка кого-то из пантеона?

Он поднялся. Когда Мортимер выпрямился в полный рост, он предстал воплощением самого неотвратимого рока. Высокий, широкоплечий, облаченный в безупречный камзол из ткани, поглощающей свет. Пространство вокруг него слегка искажалось.

— Смертная... — его голос был подобен шелесту осыпающихся надгробий, он резонировал прямо в черепе, минуя уши. Вибрация этого голоса должна была заставить кровь останавливаться. — Ты посмела осквернить своим шагом обитель вечного сна. Твой разум настолько слаб, что не осознает собственной гибели? Пади на колени, песчинка, и, возможно, я позволю твоему небытию быть безболезненным.

Соня запрокинула голову, чтобы смотреть в его лицо. Мужик был красив, как бог, этого у него не отнять. Если бы он поступил к ним в отделение, все медсестры переубивали бы друг друга за право ставить ему капельницы. Но сейчас Соня видела перед собой лишь высокомерного начальника, который явно переигрывал.

Она громко, демонстративно шмыгнула носом.

— Так, мужчина. Давайте градус пафоса немного снизим, у меня от него уже мигрень начинается, — Соня подошла ближе, совершенно игнорируя угрожающе нависшие над ней тени. Она по-хозяйски окинула взглядом гигантский стол, заваленный пыльными свитками и древними фолиантами.

— Вы здесь заведующий? Отлично. У меня к вам несколько административных вопросов, — она загнула один палец. — Во-первых, вентиляция и уборка. Вы когда здесь пыль последний раз протирали? В эпоху Мезозоя? Я пока по коридору шла, у меня чуть астма не началась, хотя в анамнезе её нет. Где влажная уборка? Где кварцевание помещения? У вас тут идеальная среда для размножения патогенной микрофлоры!

Мортимер, древнее существо, наблюдавшее зарождение и гибель вселенных, почувствовал нечто, чего не испытывал уже очень, очень давно. Легкое, почти фантомное чувство дезориентации.

— Патогенной... чего? — медленно, по слогам переспросил Повелитель Смерти. Его бездонные глаза сузились. — Ты понимаешь, к кому ты обращаешься, кусок плоти? Я — конец твоего пути. Я — тот, кто обрывает нити.

— Вы — тот, кто не может организовать нормальное рабочее место своему персоналу, — отрезала Соня, загибая второй палец. — Во-вторых. Где кулер? Seriously, я обошла половину вашего так называемого «Преддверия». Очередь стоит гигантская, души маются, ни одной банкетки, ни одного автомата с водой. Вы обезвоживание им хотите устроить? Ах да, они же мертвые, но я-то живая!

Она шагнула еще ближе, так что мысок её сабо уперся в край длинного черного плаща жнеца. Мортимер инстинктивно напрягся. Смертные никогда не приближались к нему по своей воле. От него исходила аура разложения, инстинктивно отталкивающая все живое. Но эта девчонка словно была слепа и глуха к базовым законам мироздания.

— И в-третьих, самое главное, — Соня уперла руки в бока, глядя на него снизу вверх с таким возмущением, с каким обычно отчитывают нерадивого интерна. — Ваш регистратор в очках, которого вы явно эксплуатируете на износ, шлепнул мне какую-то печать. «Временный персонал». Я так понимаю, меня к вам в отделение перевели. Так вот, у меня вопрос по трудовому кодексу. Какой график работы? Сутки через двое? Оплачиваются ли переработки? И выдается ли молоко за вредность, потому что вредность тут, судя по всему, зашкаливает!

В кабинете повисла пауза. Такая тяжелая, что её можно было резать скальпелем.

Тени, так и не дождавшись приказа атаковать, как-то неуверенно осели обратно на пол, превратившись в обычный полумрак.

Мортимер смотрел на Соню сверху вниз. Его идеальный, тысячелетиями отточенный разум работал на пределе, пытаясь классифицировать происходящее. Сумасшествие? Нет, её пульс был ровным, без скачков адреналина, характерных для панической атаки. Наглость? Невежество?

Он медленно перевел взгляд на её запястье. Там, сквозь тонкую синюю ткань хирургической куртки, пульсировало знакомое багровое свечение.

Печать Высшей Канцелярии.

Владыка Смерти моргнул. Этого не могло быть. Это было невозможно. Система не могла принять живого человека в штат. Это нарушало все фундаментальные законы равновесия, но печать была настоящей. Её аура безошибочно определялась как аура его, Мортимера, личного сотрудника. Тот старый дурак в регистратуре, напуганный парадоксом её неучтенной души, нашел самую дурацкую, самую абсурдную лазейку в своде законов Междумирья.

И теперь эта лазейка стояла прямо перед ним, требовала кулер и жаловалась на пыль.

Глухое раздражение, холодное и острое, как осколок льда, прошло грудь жнеца. Он привык к абсолютному контролю. К тому, что его слово — закон, а его взгляд — приговор.

— Замолчи, — тихо, но с невероятной силой произнес он. Слово было наполнено магией принуждения. Оно должно было сковать её челюсти, заморозить голосовые связки и бросить её к его ногам. Магия сорвалась с его губ невидимой черной волной и ударила в Соню.

Соня внезапно поперхнулась, кашлянула, прикрыв рот кулаком.

— О, ну вот, пожалуйста. У меня уже першит в горле! — возмутилась она, смахнув несуществующую пылинку с плеча. — Говорю же, сквозняки и пыль. Вы так весь персонал по больничным растеряете.

Магия разбилась о багровую печать на её руке, не причинив Соне никакого вреда. Как временный сотрудник Канцелярии, она автоматически получила иммунитет от прямого агрессивного воздействия начальства — древнее правило, созданное для того, чтобы высшие лорды в порыве гнева не уничтожали своих же архивариусов.

Мортимер осознал это в ту же секунду. Его глаза, две черные бездны, слегка расширились от шока. Он не мог её убить. Он не мог её выгнать — печать привязывала её к Канцелярии до тех пор, пока её статус не изменится естественным образом. И он даже не мог заставить её замолчать своей магией.

Он, Повелитель Смерти, перед которым трепетали пантеоны, оказался юридически связан с дерзкой девчонкой, которая продолжала отчитывать его за нарушение санитарных норм.

— Вы меня вообще слушаете? — Соня пощелкала пальцами перед его идеальным, застывшим лицом. — Алло? Приемное отделение вызывает главрача. Что с кулером решаем? У меня от ваших перепадов температур уже во рту пересохло. И да, я не буду работать за этим столом, пока его не протрут тряпкой с хлорамином. Это просто антисанитария какая-то.

Мортимер медленно закрыл глаза. Он сделал глубокий вдох, пытаясь усмирить поднимающуюся внутри бурю. Когда он снова открыл глаза, они светились ровным, холодным светом. Жнец решил сменить тактику. Если запугивание не работает на существе, лишенном инстинкта самосохранения, он применит то, что у него получалось лучше всего — ледяную, саркастичную вежливость.

— Сударыня, — произнес он тоном, от которого в обычных мирах замерзали океаны. Он слегка поклонился, и в этом жесте было столько сарказма и высокомерия, что его можно было нарезать ломтиками. — Прощу простить мне мою... неосмотрительность. Вы находитесь в Цитадели Смерти. Мое имя — Мортимер. И раз уж бюрократическая ошибка системы навязала мне ваше присутствие, смею заверить: здесь не пьют, не едят и не отдыхают. Здесь работают с вечностью.

— Очень приятно, Мортимер. А я Соня, — она невозмутимо кивнула, пропустив его пафос мимо ушей. — С вечностью так с вечностью. Но без воды и перерывов по КЗОТу я даже с вечностью работать не собираюсь. И кстати...

Она подошла к его креслу из черного камня, критически оглядела его спинку и покачала головой.

— У вас, батенька, лордоз шейного отдела намечается. Вы же сидите неправильно. Поясничной поддержки вообще нет. Вы как тут эоны лет работаете? Небось, шея хрустит по утрам?

Владыка Смерти, тысячелетиями не чувствовавший физической боли, вдруг поймал себя на нелепой, абсурдной мысли: а ведь шея с правой стороны действительно как-то странно тянула последние лет триста.

Он резко выпрямился, прогоняя эту еретическую мысль.

— Ваше рабочее место, — Мортимер указал изящным взмахом руки на крошечный, пыльный столик в самом темном углу кабинета, заваленный какими-то старыми картами звездного неба. — Разбирайте архивы семнадцатого сектора. И умоляю вас, Софья... соблюдайте тишину. Иначе я найду способ заставить вас пожалеть о том, что ваша нить еще не оборвалась.

Соня, посмотрев на столик, а затем на жнеца, усмехнулась уголком губ.

— Архивы? Без проблем. Я шесть лет в меде чужие конспекты расшифровывала, ваши каракули меня не пугают, — она уверенно направилась к своему новому месту работы. — Но если вы думаете, что я буду сидеть в темноте, вы глубоко заблуждаетесь. Зрение я вам портить не позволю.

Она плюхнулась на жесткий деревянный стул, который жалобно скрипнул под ней, положила ногу на ногу и, посмотрев на Повелителя Смерти взглядом, полным абсолютной профессиональной уверенности, добавила:

— А насчет тишины... привыкайте, начальник. У меня по жизни очень громкий шаг. И где, черт возьми, мы здесь будем заваривать ромашку? Вы выглядите так, будто не спали с момента Большого взрыва. Вам срочно нужна седативная терапия.

Впервые за всю историю мироздания Повелитель Смерти тяжело, с явным человеческим отчаянием, вздохнул. Практика началась, и Мортимер уже начал сомневаться, кто именно из них двоих здесь проходит испытание на прочность.

Глава 3. Эпоха термокружки

В Междумирье не существовало понятия времени. Здесь не восходило солнце, не пели птицы, и не звенели будильники, возвещающие о начале новой смены. Здесь царила вечная, застывшая полуночная серость.

Для жнеца Мортимера тысячелетия сливались в один бесконечный, плавно текущий миг. Но для Сони, чьи биологические часы всё ещё отсчитывали земные ритмы, отсутствие режима было недопустимым нарушением дисциплины. Поэтому, проспав несколько часов прямо на жестком кожаном диване в приемной, она умылась ледяной водой из наколдованного клерком умывальника и решительно заявила, что у неё начался «первый рабочий день».

Начался он с конфликта дресс-кода.

Когда Соня вернулась в колоссальный кабинет Повелителя Смерти, на её маленьком, выделенном в дальнем углу столе лежал сверток. Точнее, гора плотной, иссиня-черной ткани, от которой веяло тысячелетней скорбью и запахом увядших лилий.

Мортимер сидел за своим монументальным столом, не поднимая головы от пергаментов. Его профиль был безупречен и холоден.

— Служители Высшей Канцелярии не носят земных одеяний, — произнес он, и его голос бархатным, тяжелым эхом прокатился по сводам кабинета. — Ваши... штаны с пятнами неизвестного происхождения оскорбляют эстетику моего царства. Облачитесь в мантию послушания. Она соткана из теней забвения и нитей покорности.

Соня подошла к столу, брезгливо подцепила край ткани двумя пальцами и подняла её в воздух. Мантия оказалась огромным готическим балахоном с длиннющими, расширяющимися книзу рукавами, глухим воротом под самое горло и подолом, который волочился бы по полу минимум на полметра.

— Вы издеваетесь? — Соня скептически вскинула бровь. — Я в этом споткнусь на третьем шаге. Вы знаете, сколько травм опорно-двигательного аппарата происходит из-за неправильно подобранной спецодежды? А эти рукава? Я в них запутаюсь, или, того хуже, смахну со стола какую-нибудь вашу древнюю вазу с прахом проклятых. Это абсолютно неэргономично!

— Это традиция, — с ледяным нажимом ответил жнец, всё ещё не глядя на неё. Его перо плавно выводило руны, выносящие приговоры целым мирам. — Традиции Междумирья не обсуждаются смертными. Наденьте и приступайте к разбору архива семнадцатого сектора.

Соня громко, демонстративно выдохнула. Спорить с начальством в начале смены — плохая примета, это знал любой интерн, но и ходить в костюме дементора-переростка она не собиралась.

Она окинула взглядом свой стол. Среди стопок пыльных свитков и чернильниц её взгляд зацепился за длинные, угрожающего вида лезвия. Церемониальные ножницы отсечения — древний артефакт, которым когда-то обрезали нити судеб особо упрямых титанов. Рукоятки были украшены черепами, а лезвия сияли пугающим, серебристым светом.

«То, что доктор прописал», — подумала Соня.

Она накинула мантию поверх своего хирургического костюма. Ткань оказалась неожиданно тяжелой, словно свинцовый фартук в рентген-кабинете. Воротник тут же попытался придушить её, а рукава повисли до колен.

Мортимер, наконец, соизволил поднять взгляд. Удовлетворение на мгновение мелькнуло в его бездонных глазах, но тут же сменилось абсолютным, парализующим шоком.

Вместо того чтобы смиренно склонить голову, Соня схватила ножницы...

Звук разрезаемой ткани прозвучал в идеальной тишине кабинета как выстрел из гаубицы. Лезвия, способные перерубить ткань самого пространства-времени, вошли в древний зачарованный шелк, как нож в теплое масло.

— Что... что ты делаешь?! — голос жнеца дрогнул, потеряв свою стальную безупречность. Он наполовину привстал из-за стола, опираясь руками о черную столешницу.

— Подгоняю размер, — невозмутимо отозвалась Соня, орудуя ножницами с ловкостью операционной сестры, вскрывающей упаковку с бинтами.

Она безжалостно отхватила правый рукав по локоть. Кусок ткани, сотканной из теней забвения, печально шлепнулся на каменный пол и растаял дымком.

Левый рукав последовал за правым. Затем Соня взялась за подол. Она оттянула ткань и начала кромсать её на уровне чуть ниже колен. Зачарованные нити покорности жалобно трещали, уступая грубой земной прагматичности.

— Это... это мантия послушания! Артефакт тысячелетней давности! — Мортимер вышел из-за стола. Его глаза потемнели, аура вокруг его фигуры начала угрожающе пульсировать. — Ты оскверняешь дар канцелярии!

— Я оптимизирую рабочий процесс, — отрезала Соня, вырезая в наглухо закрытом воротах глубокий V-образный вырез, чтобы не давило на щитовидку. Она отбросила обрезки в сторону, подобрала длинную ленту из остатков рукава и туго перетянула ею талию, создав импровизированный пояс.

Она покрутилась перед ошеломленным Владыкой Смерти. Теперь древний готический артефакт напоминал элегантный, чуть мрачноватый медицинский халат с короткими рукавами.

— Ну вот, другое дело. Ничего не болтается, движения не сковывает. Санитарно-эпидемиологическим нормам соответствует, — Соня удовлетворенно кивнула, положила священные ножницы на стол и плюхнулась на свой стул. — Так, что там у нас в семнадцатом секторе?

Мортимер стоял посреди комнаты, глядя на неё так, словно вселенная только что схлопнулась у него на глазах, а из образовавшейся сингулярности вылезла эта девчонка с ножницами. Он медленно закрыл глаза, потер переносицу длинными, аристократичными пальцами. Убивать её нельзя, выгонять тоже... Остается только игнорировать.

Он молча развернулся, полы его идеального черного плаща взметнулись в воздухе, и сел обратно за стол.

— Соблюдайте тишину, — процедил он сквозь зубы. — Если вы издадите еще хоть один звук, я...

Он не договорил, потому что в кабинете началась акустическая пытка.

Жнец любил тишину. Тишина была его броней, его музыкой и религией. В его цитадели никогда не было ни шороха мыши, ни свиста ветра, ни стука сердец. Абсолютный покой, в котором мысли владыки могли парить, охватывая миллионы миров.

Но Соня была живой, и как любой живой человек, наделенный кипучей энергией и раздражительным характером, она производила невероятное количество шума.

Сперва она начала шуршать пергаменами. Для Мортимера звук перекачиваемого древнего папируса был естественным, но Соня умудрялась шелестеть ими так, словно распечатывала гору конфет в пустом кинотеатре. Она перекладывала листы, сминала уголки, громко вздыхала, читая записи о грехах усопших.

— Боже мой, какой почерк, — громко пробормотала она себе под нос, шурясь на руны. — Хуже, чем у нашего невропатолога. Что это тут? «Проклял соседскую корову»? И за это в ад? Seriously? Да тут явная гипертрофия эго у судьи. Желтая зона, не больше. На пересмотр.

Соня громко припечатала к древнему пергаменту неоновый желтый стикер.

Затем она начала щелкать ручкой. Автоматическая шариковая ручка, забытая в кармане хирургической куртки, превратилась в орудие пыток. Звук отскакивал от высоких сводов кабинета, ввинчиваясь в чувствительный слух жнеца, как ржавый гвоздь.

Владыка Смерти сжал челюсти так, что скрипнули зубы. Он не смотрел в её сторону, но всё его внимание, весь его фокус против воли сместился на этот раздражающий комоч пульсирующей жизни в углу его кабинета.

— Вы могли бы не издавать этот... лязгающий звук? — ледяным тоном попросил он.

— А? Извините, профессиональная привычка, — Соня сунула ручку за ухо. Наступила блаженная тишина. Мортимер выдохнул.

Ровно на пять секунд.

Соня вдруг осознала, что ей жизненно необходим чай. Её организм, привыкший функционировать на огромных дозах кофеина и сахара, начинал бунтовать. В Междумирье не было еды, но Соня уже поняла одно правило этого странного места: здесь материя подчиняется воле. Духи формируют свою одежду силой мысли.

«Если они могут наколдовать себе шляпы, я могу наколдовать себе свой термостакан», — решила она.

Соня закрыла глаза и сжала кулаки. Она ярко, до мельчайших деталей представила свою любимую металлическую термокружку. Потертые бока, черная крышка с откидным клапаном, дурацкая наклейка «Слезы моих пациентов» и, самое главное, содержимое — обжигающе горячий, крепкий черный чай с лимоном и двумя ложками сахара. Она вложила в этот образ всю свою жажду, всю свою упрямую жизненную силу.

Воздух перед ней задрожал. Раздался тихий хлопок, пахнуло озоном, и прямо из серого тумана на стол с тяжелым металлическим стуком опустилась её термокружка.

Соня победно улыбнулась. От кружки исходил пар, а по кабинету, вытесняя запах вековой пыли и скорби, поплыл наглый, земной аромат бергамота и цитруса.

Мортимер замер, его ноздри дрогнули. Запах жизни... Настоящий, теплый, биологический запах в его святилище. Это было невыносимо.

Но худшее было впереди.

Соня взяла кружку и с громким щелчком откинула пластиковый клапан.

А затем она сделала глоток.

Практикантка втянула горячий чай так громко, с таким смачным, бытовым прихлупыванием, что статуи стражей в коридоре, казалось, вздрогнули.

— О-о-о, горяченький. То, что надо, — блаженно простонала Соня, прикрыв глаза. — Аж по сосудам тепло пошло.

Перо из звездного света в руке Повелителя Смерти переломилось пополам. Золотистая искра брызнула на стол и погасла.

Мортимер медленно, очень медленно поднялся. Его рост казался сейчас еще более подавляющим. Тени в углах кабинета перестали быть просто отсутствием света — они обрели массу, превращаясь в извивающиеся щупальца первобытного мрака. Стены покрылись инеем. Температура в комнате рухнула так стремительно, что дыхание Сони вырвалось изо рта белым облачком пара.

Терпение жнеца лопнуло. Эта смертная не понимала намеков. Она не понимала слов. Значит, ей нужно было показать истинную природу того места, куда она попала.

Мортимер высвободил свою ауру.

Концентрированная суть самой смерти. Волна первобытного, хтонического ужаса, от которого звезды гасли в небесах, а боги нижних миров падали на колени. Аура прокатилась по кабинету невидимым ледяным цунами. Звуки исчезли, пространство исказилось, а воздух стал густым, как свинец, давя на грудную клетку и выжимая из легких кислород.

Каждое существо, столкнувшееся с этой аурой, видело свой величайший страх, осознавало свою полную, абсолютную ничтожность перед лицом вечного небытия. Разум должен был сломаться, инстинкты — завопить о пощаде, тело — парализовать от животного ужаса.

Тени устремились к Соне, обвиваясь вокруг её стула, шепча голосами тысяч мертвецов. Мортимер навис над ней, его глаза горели беспощадным, холодным пламенем. Он ждал. Ждал, когда она упадет на пол, когда её глаза закатятся в истерику, когда она, наконец, проявит должное уважение к Повелителю Смерти.

Соня сидела с кружкой в руках. Её лицо побледнело, это правда. Волоски на её руках встали дыбом. Она замерла, глядя прямо в черную бездну его глаз.

Секунда... две... три...

Затем Соня передернула плечами и поставила кружку на стол.

— Апчи! — громко и от души чихнула она. Эхо чиха разбило хрустальную конструкцию хтонического ужаса, словно кувалда.

Она шмыгнула носом, подняла на жнеца совершенно возмущенный взгляд и сказала:

— Ну вы нормальный вообще?!

Мортимер застыл. Щупальца теней остановились в сантиметре от её лица.

— Вы зачем кондиционер на максимум врубили?! — Соня вскочила на ноги, злобно сверкая глазами. — Я только-только согрелась! У меня иммунитет сейчас после дежурств и так на нуле, а вы мне тут криокамеру устраиваете! Вы мне хотите острый пиелонефрит организовать? Или пневмонию? У меня поясницу от сквозняка тянет! Выключите немедленно эту свою климатическую установку, или я напишу жалобу в профсоюз Междумирья, если он тут есть!

Она недовольно запахла V-образный вырез своей мантии, бросила на опешившего жнеца уничтожающий взгляд и, взяв термокружку, снова громко, с вызовом отпила чай.

Мортимер стоял, не шевелясь. Его аура ужаса, способная сокрушать армии, только что была классифицирована смертной девчонкой как «неисправный кондиционер».

Владыка Смерти заглянул в её душу. Там не было барьеров, не было магической защиты. Там было лишь абсолютное, непробиваемое, циничное медицинское невежество по отношению к мистике. Её разум, натренированный стрессами реанимации, запахом крови и бесконечными ночными сменами, просто отказывался воспринимать магический ужас как нечто реальное. Для неё холод смерти был всего лишь сквозняком, а шепот проклятых душ — шумом плохой вентиляции.

Она не могла испугаться того, во что отказывалась верить на фундаментальном уровне. Её прагматизм был прочнее любой магической брони.

Тени медленно втянулись обратно в полы плаща жнеца. Иней на стенах начал таять. Владыка Смерти понял одну страшную вещь: он был бессилен. Классические методы устрашения не работают на человеке, который боится только проверки из Минздрава и не сдать экзамен по фармакологии.

Мортимер отступил на шаг. Выражение его лица вновь стало гладким, холодным и безупречно вежливым, хотя внутри у него всё клокотало от уязвленной гордости.

— Я... прикручу мощность, — процедил он, с трудом подбирая земные слова. — Прошу прощения за... сквозняк, сударыня.

— То-то же, — проворчала Соня, усаживаясь обратно. — А то устроили тут морозильник. И да, Морти...

Она помахала в воздухе ручкой.

— Как заведующий, вы должны знать: если сотрудник уходит на больничный, работать будете вы. Так что берегите мои почки.

Она отвернулась к бумагам, снова щелкнув ручкой.

Владыка Мортимер, Повелитель Смерти и Ужас Миров, молча вернулся к своему креслу. Он сел, аккуратно расправил складки плаща и уставился на чистый пергамент. Тишина в кабинете была уничтожена безвозвратно. Запах бергамота прочно въелся в стены цитадели.

«Это будет долгая практика», — с обреченностью, неведомой ему доселе, подумал жнец, вздрагивая от очередного громкого глотка из угла.

Глава 4. Медицинский подход к душам

Рутина — удивительная вещь. Она способна сожрать любую мистику, пережевать любой пафос и выплюнуть

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.